

более адекватная для творческого труда проблема: какие «общественные силовые линии» и как прошли через «голову и сердце» писателя и как это отразилось на его творчестве.

Основной вывод И. С. Чичурова звучит явно парадоксально: «...требует принципиальной поправки широко бытующее среди византинистов мнение о типичности сочинения Феофана для византийской историографии. Анализ предшествующей традиции... ясно свидетельствует о новаторстве Феофана» (с. 137). «Новатор Феофан» — само сочетание этих слов, казалось бы, не может вызвать ничего, кроме скептической улыбки (не говорим уже о том, что оно привело бы в неопишесмый ужас самого Феофана). И тем не менее в определенном отношении исследователь прав.

P. Lemerle. Les plus anciens Recueils des miracles de Saint Démétrius et la pénétration des slaves dans les Balkans. II. Commentaire. P., 1981, 252 p.*

Работа П. Лемерля не является «комментарием» в строгом смысле этого слова. Перед нами монографическое исследование «Чудес св. Димитрия» как исторического источника и целого комплекса вопросов, связанных с заселением славянами южной части Балканского полуострова. Вероятно, не будет преувеличением сказать, что труд французского византиниста является самой значительной и интересной работой по этому памятнику за последние 30 лет. Появление критического издания текста любого исторического источника как бы открывает новый этап его изучения. Рецензируемый труд не только подводит итог достижениям предшествующей историографии, автору удалось сделать ряд новых выводов, наметить новые аспекты изучения проблемы. Несомненным достоинством работы П. Лемерля является и строго научный подход к дискуссионным проблемам славянизации региона, четкое и аргументированное изложение авторской позиции по всем вопросам.

Исследование состоит из краткого введения, библиографического раздела, шести глав и четырех приложений, за которыми следуют дополнения, общий указатель и карта Иллирика и Фракии.

Список литературы, составленный автором в хронологической последовательности, содержит 38 (наиболее важных, по мнению П. Лемерля) работ с краткой аннотацией, в которой изложены основные выводы исследователей и в отдельных случаях дана их оценка. Дополнен этот список может быть, пожалуй, только некоторыми работами на славянских языках.

Начальная глава посвящена первому Собранию (с. 27—81). Рассматриваются вопросы авторства и времени создания этого Собрания, его композиции и хронологии отдельных глав. Автором первой книги «Чудес св. Димитрия», как известно, в 6 рукописях назван архиепископ Фессалоники Иоанн, которого

«Хронография» действительно нетипична для византийской историографии; ведь даже анналистическая ее форма — явление для византийской историографии уникальное. Однако в более широком смысле слова «Хронография» — типичнейшее для своей эпохи произведение, поскольку именно в ней отразились характернейшие черты медиевального мироощущения. Последнее прекрасно показал сам И. С. Чичуров.

Мы старались в рецензии продемонстрировать современность методологии И. С. Чичурова. Те же, для кого новая методология все еще нечто «от лукавого», найдут в книге и вполне традиционные и добротные наблюдения и замечания.

Я. Н. Любарский

исследователи условно называют Иоанном I: в отличие от Иоанна II, присутствовавшего на VI Вселенском соборе в 680—681 гг. Его преемником на архиепископском престоле согласно нашему источнику был Евсевий, известный из писем Григория Великого. Композиция Собрания I, отражая главную мысль его автора «написать гимн признательности богу и св. Димитрию», хорошо продумана с точки зрения «логики и последовательности, но не хронологии» (с. 40).

Тематическую подборку «чудес» П. Лемерль определяет следующим образом: первую группу составляют «исцеления телесных недугов» (I, 1; I, 2; I, 3); затем идут «чудеса» (I, 4; I, 5; I, 6; I, 7), связанные с «исцелением духа»; с I, 8 начинается вторая часть Собрания, повествующая о «спасении» всего города или области: I, 8; I, 9; I, 10 — избавление от голода и гражданской войны (несколько обособленно, вне связи с ними, стоит I, 11); на конец оставлены самые «главные чудеса» — «помощь» городу во время войн с «варварами» (I, 12; I, 13—15) (с. 40—44). Таким образом, в разных главах оказались рассказы о событиях, взаимосвязанных и относящихся к одному периоду: I, 3 (чума, предшествовавшая аваро-славянской осаде), I, 13—15 (описание самой осады) и I, 8 (голод, последовавший за ней); I, 12 (пожар в храме св. Димитрия и неожиданное нападение славян) и I, 6 (ремонт кивория, пострадавшего во время пожара). Анализ внутренних хронологических указаний источника позволил П. Лемерлю восстановить последовательность событий, описанных Иоанном, и их примерную датировку (исключение составляют I, 1; I, 2; I, 4, которые, возможно, относятся к более древнему собранию). В целом события Собрания I охватывают почти три десятилетия и приходятся преимущественно на период правления Евсевия, бывшего архиепископом Фесса-

* Нашу рецензию на первый том издания см.: ВВ, 1982, т. 43, с. 256—257.

лоники во времена царствований Маврикия и Фоки. Остановившись на вопросе о времени составления Собрания Иоанна, автор приходит к выводу, что его следует датировать первой половиной правления Ираклия (с. 43), — в этом Лемерль, впрочем, не расходится с большинством исследователей.

Значительное место в рамках первой главы занимает рассмотрение событий, связанных с нападениями «варваров» на Фессалонику (I, 12 и I, 13—15) (с. 46—73). П. Лемерль считает, что эти два события поставлены Иоанном не в хронологическом порядке. Основанием для такого заключения автору (как и другим исследователям, придерживающимся такой же точки зрения) послужили слова Иоанна о том, что жители города никогда так близко не видели вражеское войско (I, 13, § 124). Поэтому П. Лемерль начинает с рассмотрения I, 13—15: он восстанавливает последовательность событий, выделяя историческую сущность рассказа, освобожденную от ее фантастической оболочки. Основательно останавливается он и на вопросе о его датировке. В литературе издавна дискутировались преимущественно две возможные даты для этой осады — 586 и 597 гг. П. Лемерль детально анализирует сведения Феофилакта Симокатты и Феофана, пытаясь найти место этой осаде в контексте исторических событий эпохи Маврикия, сопоставляет данные «Чудес св. Димитрия» с Монеувасийской хроникой и примыкающими к ней малыми хрониками и самостоятельно (не вступая в дискуссию с другими исследователями) приходит к датировке этого события 586 годом. Здесь проявилась еще одна очень важная сторона рецензируемой работы — комплексный подход к проблеме. Схему событий, построенную по письменным источникам, П. Лемерль сопоставляет с данными археологии и нумизматики. И хотя сам автор считает, что «новый подход еще не определен точно как метод и требует осторожности» (с. 65), нам представляется, что его работа является как раз удачным примером решения проблемы на основе комплексного ее изучения. Вторжение славян в Грецию и на Пелопоннес автор связывает с неудачной попыткой овладеть Фессалоникой: славяне не ушли за Дунай, а остались опустошать Македонию и Грецию, дойдя до Пелопоннеса, где и поселились небольшими группами (с. 81).

Датировка славянского нападения (I, 12) основана на новой интерпретации выражения τῆ δευτέρῃ ἡμέρᾳ τῆς ἑορτῆς, которое раньше переводилось исследователями как «второй день праздника». П. Лемерль же считает, что речь идет о «понедельнике, дне праздника» (с. 72). Из возможных вариантов, когда 26 октября приходится на понедельник, автору представляется наиболее приемлемым 604 год. Это событие оценивается Лемерлем как нападение войска «межплеменной организации» славян, возникшей в Македонии после 586 г. (с. 74).

В заключение главы высказаны неко-

торые соображения относительно данных «Чудес св. Димитрия», касающихся внутренней жизни Фессалоники, ее институтов, отношений города с округой и Константинополем. В частности, высказывается мнение (с. 77—78) о существовании в Фессалонике своего рода «коммунальной милиции», объединявшей значительную часть боеспособного населения (созданной, видимо, в связи с нападениями «варваров»).

В следующей главе рассматривается первая часть Собрания II — пролог, II, 1; II, 2; II, 3 (с. 83—110). В этой части речь идет о событиях, относящихся ко времени архиепископства Иоанна. Она составлена анонимным автором, видимо, по письменным источникам в отличие от II, 4; II, 5, где он повествует о современных ему событиях. Второе Собрание составлено примерно на 70 лет позже первого: намек на эту цифру Лемерль усматривает в прологе, кстати впервые им изданном и содержащем интересные сведения об истории создания двух книг «Чудес св. Димитрия» (с. 83—84). Относительно личности автора исследователю удается выяснить (единственная рукопись, содержащая Собрание II, не имеет листа с началом пролога), что он фессалоникец и, несомненно, лицо духовное, хотя нет никаких оснований считать его архиепископом. П. Лемерль подчеркивает значительную разницу между двумя собраниями не только в смысле языка и манеры изложения, но и, так сказать, по концепции: целью Анонима было описание исторических событий — о святом Димитрии в его рассказе подчас совсем не упоминается. Иными словами, мы имеем дело с историческим документом, тем более ценным, что он содержит уникальные данные, неизвестные из других источников (с. 84). П. Лемерль справедливо ставит вопрос о существовании местных, провинциальных «анналов», следы которых можно найти в агиографических текстах и в малых хрониках. Работа такого жанра, созданная, видимо, как продолжение рассказов Иоанна, была использована Анонимом при освещении событий семидесятилетней давности (с. 84).

Детально разбирая вопрос о хронологии событий, описанных в II, 1; II, 2; II, 3, автор привлекает все известные источники, содержащие сведения, имеющие отношение к событиям «Чудес св. Димитрия». Результатом такого сопоставительного анализа явилось установление следующих датировок: опустошение Греции и островов — 614 г., третья осада Фессалоники — 615 г., 33-дневная аваро-славянская осада — 618 г., землетрясение и пожар в городе, последовавшие вскоре за этой осадой, — 620 г. (с. 110). П. Лемерль предлагает убедительную и интересную интерпретацию этих событий. Он обращает внимание как на несомненно новый факт в истории славян на создание значительного морского флота, которому удалось достичь поразительного успеха в бассейне Эгейского моря (с. 88). Недоумения автора, впрочем, по

поводу успешных боевых действий «моноксиллов» вполне понятны, поскольку он трактует их как лодки-долбленки, в то время как в историографии уже высказывалось мнение о том, что в византийских источниках этим термином в ряде случаев обозначались набойные ладьи¹. [В связи с этим хотим отметить, что мы уже высказывали сомнения и относительно трактовки П. Лемерлем термина ζευγὰ πλοία как bateaux charpentés в отличие от моноксиллов (с. 125)².]

Другим важным и новым моментом в истории славян П. Лемерлю представляется создание коалиции славянских народов в целях захвата Фессалоники (опустошение Греции, напротив, было еще результатом несогласованных действий). Соглашение выразилось в том, что был избран один вождь (Хапон) для ведения осады. Создание коалиции в случае успеха захвата города могло стать, по мнению ученого, решающим поворотом в истории этих славянских племен и Фессалоники. П. Лемерль впервые в историографии ставит вопрос о реальной возможности создания славянского государства в этом регионе с центром в Фессалонике в первой половине VII в. (с. 93). Эта идея, однако, не совсем согласуется с мнением автора, что славяне в этот период были еще «мобильными», а средства для существования в большей степени добывали «грабежом», чем «эксплуатацией земли» (с. 90).

В третьей главе П. Лемерль рассматривает наиболее ценный во всем анонимном Собрании рассказ — о пятой осаде Фессалоники (с. 111—136). II, 4 содержит ряд важнейших уникальных сведений о славянских племенах в Македонии и Греции. События датируются автором 676—678 гг.: арест и казнь Первуда — первой половиной 676 г., начало блокады Фессалоники — летом 676 г., а ее апогей — трехдневная осада города — 25—27 июля 677 г., поход византийского войска против стримонцев — летом 678 г. (с. 132). Таким образом, соглашаясь с Ф. Баршичем, что 25 июля 5 индикта (единственное точное указание в этой главе) падает на 677 г., Лемерль значительно расходится с ним в определении хронологической протяженности этих событий, так как, согласно Ф. Баршичу, они охватили период с 674 по 680 г.³ Предложенная П. Лемерлем датировка этого события влечет за собой, по его мнению, пересмотр традиционного представления об осаде Константинополя арабами в 674—678 гг. Ее следует расценивать, согласно исследователю, лишь как серию морских операций против Константинополя в благоприятное время года (с сентября по апрель). «Чудеса св. Димитрия» свидетельствуют о том, что в течение этого периода не прекра-

щалась морская связь столицы с Эгейским морем. Совпадение блокады Фессалоники славянами и осады Константинополя арабами, однако, объясняет и тот факт, что в течение двух лет император не мог оказать эффективной помощи Фессалонике (с. 133).

Ситуация, сложившаяся на Балканах к 70-м годам VII в., по мнению автора, позволяет сделать заключение, что здесь, несомненно, господствовали «независимые славянские племена во главе со своими «князьями». Неславянская территория близ Константинополя простиралась всего на сотню километров, а от Фессалоники славяне поселились в 10 км» (с. 133—134). Эпизод с торговой миссией осажденных фессалоникийцев к велегезитам, по мнению П. Лемерля, позволяет весьма определенно судить о ситуации, сложившейся в Греции: «Славянские племена расположились в разных местах Греции, обосновались там и жили совершенно независимо от властей Константинополя, вели оседлый образ жизни и занимались сельским хозяйством. Такой крупный греческий город, как Фессалоника, не имел другого выхода, как обратиться к ним, а не к грекам, за продовольствием» (с. 122). Весьма примечательным представляется автору и тот факт, что «эти славянские племена были независимы друг от друга: можно было воевать с одними и поддерживать мир с другими. Главным образом установился *modus vivendi* между оставшимися греками и новыми поселенцами» (с. 122). Причину неудач славянских предприятий против Фессалоники автор справедливо видит в том, что славяне не создали «единый фронт борьбы против греков» (с. 135). А итогом этих событий (об этом источник умалчивает) П. Лемерль считает признание славянами византийской власти (с. 128). Высказывает он также интересное предположение о создании в Константинополе специальной службы по связям со славянами, главой которой в рассматриваемый период мог быть переводчик-соучастник Первуда («несомненно, славянин») (с. 134).

В заключение П. Лемерль развивает один из наиболее важных выводов, который позволяет сделать рассказ о Первуде: развитие тенденции к самостоятельности в Фессалонике (с. 135—136). Положение греческого города, окруженного со всех сторон славянами, который находится только под защитой своих стен и не имеет какой-либо поддержки со стороны центральной власти, обусловило необходимость установления тесных контактов со славянами. «Я не знаю другого примера, когда существовало бы такое согласие между крупным византийским городом и варварским народом,

¹ Орачев А. Морското бойно майсторство на славяни и прабългари (края на VI—началото на IX век). — *Paleobulgarica*, 1982, 6 г., № 2, с. 101—109.

² ВВ, 1982, т. 43, с. 257; Орачев А. Указ. соч., с. 107.

³ Баршич Ф. Чуда Димитрија Солунског као историски извори. Београд, 1953, с. 124—125.

который занимал часть его местности» (с. 114).

Четвертая глава посвящена событиям, изложенным в II, 5 (с. 137—162). Этот сюжет, пожалуй, больше других вызвал сомнения в историографии и разноречивость интерпретации. П. Лемерль отмечает, что вступление к II, 5 уничтожает все сомнения в единстве авторства этой главы и предшествующих, хотя, несомненно, она представляет собой «наиболее конкретный, живой и красочный рассказ» (с. 137). Исследователь устанавливает также, что композиция Собрания II хронологически последовательна (этот пункт вызывал споры) и что основные события II, 5 относятся примерно к 682—684 гг. (с. 161).

Приведем вкратце некоторые выводы автора. Первый из них касается Аварского хаганата и связан с анализом свидетельств источника о положении у аваров плененных византийцев. П. Лемерль пишет: «Процесс, о котором он повествует, — установление этнической автономии в недрах Аварского государства, — чрезвычайно интересен. Он заставляет представлять хаганат, по крайней мере в эту эпоху, как федерацию, в составе которой этнические группы сохраняли свои характерные черты, религию, свой язык, определенную автономию, проявляли свое национальное сознание. Не является ли это признаком неспособности аваров создать настоящее, прочно объединенное государство?» (с. 143). Отвергая предлагающуюся в историографии идентификацию Кувера с Кубратом, П. Лемерль допускает, что он мог быть братом Аспаруха и пятым сыном Кубрата, о котором известно, что он ушел в Паннонию и подчинился аварам. Автор также допускает (впрочем, не утверждая этого) определенный параллелизм в действиях Аспаруха и Кувера [«Не было ли аналогичных намерений у Кувера? То есть не был ли это Аспарух, потерпевший неудачу?»] (с. 150).

Любопытные предположения высказаны относительно личности Мавра. Автор не только ставит знак равенства между Мавром «Чудес св. Димитрия» и «Мавром патриkiem и архонтом Сермисиан и Болгар» печати конца VII—начала VIII в., но и высказывает гипотезу о возможности его (или скорее его сына) отождествления с патриkiem Мавром Бессом, упоминаемым Феофаном и Никифором в связи с событиями 711 г. (с. 151—152).

Специальный параграф посвящен рассмотрению вопроса о «флоте карависиан», который до сих пор не получил ясного освещения в историографии. Данные II, 5, по мнению П. Лемерля, являются наилучшими свидетельствами о роли и формах использования этого флота. Речь идет о военном и регулярном флоте (во главе которого стоял стратег), созданном, видимо, Константином IV в связи с арабской опасностью. Сведения нашего источника позволяют предполагать, что базой этого флота мог быть о. Кеос и что во время передышек в

борьбе с арабами его обращали против славян (с. 154—157).

Рассказ о Кувере и Мавре, по мнению П. Лемерля, свидетельствует об изменении политической ситуации в Македонии в 80-х годах VII в. «Славяне, столь опасные несколько лет назад, во времена Первуда, — пишет автор, — в большинстве своем оказались под властью империи. Ни Кувер, ни Мавр не думали обращаться к ним в своих планах, направленных против Фессалоники и Византии» (с. 161).

Пятая глава посвящена шестому рассказу Собрания II, повествующему о «чудесном» избавлении епископа Киприана из славянского плена. Текст этого пассажа, впервые изданный П. Лемерлем, содержит одну неизвестную ранее подробность, а именно что Киприан был епископом города Θῦρα, находившегося в Бизацене. Основные выводы исследователя относительно этого рассказа вкратце сводятся к следующему: язык, манера изложения, отсутствие характерного для предыдущих глав вступления и пр. свидетельствуют о том, что этот сюжет принадлежит перу другого автора, который, вероятно, не был фессалоникийцем (он обнаруживает незнание города и базилики св. Димитрия); нет никаких хронологических указаний, позволяющих судить о датировке событий, здесь описанных, как и о времени составления этого рассказа; неясны причины его включения в Собрание II (с. 163—169).

Заключительная глава исследования — «Чудеса святого Димитрия и история Балкан» (с. 171—193) — является обобщающей, итоговой. Здесь кратко повторены предложенные автором датировки событий «Чудес св. Димитрия» и времени составления двух Собраний. Специально выделен вопрос о «географических и административных рамках» источника. Затем автор кратко суммирует основные выводы, связанные с исторической интерпретацией событий, поставив их в исторический контекст, начиная с эпохи, предшествующей появлению славян на Балканах, и заканчивая обзором военных и демографических мер, предпринятых Византией против славян. Автор не ставит своей задачей подробное рассмотрение событий этого длительного периода, он лишь ярко очерчивает основные этапы и поворотные моменты в истории Балкан, делая акцент на регионе, о котором повествуют «Чудеса св. Димитрия». Убедительность основных выводов П. Лемерля, явившихся результатом многолетней и плодотворной работы автора, не вызывает сомнений. Уточнений, на наш взгляд, требуют только два положения. Во-первых, не совсем ясно, в чем же выразилось начало ассимиляции славян, результаты которой, согласно исследователю, мы видим уже в II, 4; достаточным ли основанием для такого утверждения служит то обстоятельство, что Первуд (а возможно, и другие вожди) знал греческий язык и часто посещал Фессалонику? Сам автор противопоставляет этому фак-

ту «славянский национализм» Первуда и его ненависть к христианам (с. 134). Во-вторых, требует конкретизации также положение о том, что принятие христианства «поставило точку» медленному процессу эллинизации славян в «Центральной Македонии и к югу от нее» (с. 193).

В работе имеются четыре приложения. Первое представляет собой краткие заметки относительно «Страстей св. Димитрия» и третьего Собрания «Чудес» (с. 197—203). Второе приложение — «О том, что базилика св. Димитрия в Фессалонике не является усыпальницей» — содержит перепечатку статьи автора (с незначительными поправками), опубликованной в 1953 г. Затем следует довольно обширная статья И. Сорлен «Славяне и склавны до и в Чудесах св. Димитрия» (с. 219—234), в которой преимущественно на основе данных археологии рассматривается проблема этногенеза и ранней истории славян. Отдельные замечания и дополнения к этой статье сделаны в рецензии на первый и второй

тома исследования П. Лемерья болгарского ученого И. Божилова (*Bulgarian Historical Review*, 1982, № 2, с. 115—121). В статье Вл. Поповича «О жилищах древних славян» (с. 235—241) указывается, что употребление византийским автором терминов *каса* и *σκητή* для обозначения жилища славян в Македонии свидетельствует о том, что славяне здесь не занимали дома, покинутые греческим населением, а жили в своих полумесяцах, наземная часть которых возводилась, вероятно, из дерева (с. 235). Делается также вывод об устойчивости обычаев и традиционного образа жизни славян в местах их новых поселений (с. 241).

В данном кратком обзоре мы не имели возможности отметить все новые наблюдения по частным вопросам, которыми буквально насыщено исследование П. Лемерья. Оно, несомненно, вызовет огромный интерес у широкого круга византинистов и славистов.

О. В. Иванова

H. Mohr, W. Waade. Byzanz und arabisches Kalifat. Darstellung für den Geschichtslehrer. B., 1973. 135 S.

Учебное пособие по истории Византии и арабского халифата, предназначенное для преподавателей истории в гимназиях ГДР и студентов педагогических институтов республики, пока единственное в своем роде. Его авторы — профессора педагогического института им. К. Либкнехта (Потсдам) Хуберт Моор и Вальдемар Вааде нарушили традиционное распределение учебного материала, посвятив целое пособие тому разделу в истории средних веков, которому в общем курсе обычно отводится лишь несколько параграфов¹. По словам авторов, знание истории Византии и арабского халифата поможет учащимся лучше разобраться в средневековой западноевропейской истории, а также в современной истории тех государств, которые частично или целиком лежат в границах этих двух политических образований средневековья, или тех, на которые последние оказали значительное влияние. В первую очередь речь идет о Болгарии, Югославии, Румынии, восточных районах СССР, Греции и др. (с. 7).

Пособие, методологической основой которого являются труды классиков марксизма-ленинизма и работы советских ученых (с. 10, 132—134), состоит из трех основных разделов. Это история Византии, история халифата, а также — перечень общих признаков феодализма и особенностей их проявления в каждом из названных государств. Одновременно прилагается синхронистическая таблица событий византийской, арабо-мусульман-

ской и западноевропейской истории (с. 124—131). Пособие богато иллюстрировано, содержит многочисленные карты и таблицы, которые удобно использовать при проведении занятий. Несомненным достоинством пособия следует считать тот факт, что авторы уделяют особое внимание истории социально-экономических отношений в изучаемых государствах. Так, в книге имеются специальные разделы, посвященные истории византийской общины, византийского города, мусульманской торговле, системе мусульманского налогообложения и др. При этом авторы выделяют курсивом и объясняют многие встречающиеся термины.

Что касается политической истории, то она почти целиком сводится к народным восстаниям в Византии и халифате. Особенно подробно авторы останавливаются на восстании Фомы Славянина и Бабек. Изложение подкрепляется обильными ссылками на источники (они взяты в переводе), а порой и пространными выдержками из них (см., например, параграфы из «Земледельческого закона» — с. 25—27 и др.).

Авторы правильно поступили, начав изложение истории халифата с объяснения особенностей ислама и перечня его догматов. Ценно и то, что Моор и Вааде не обошли вниманием главные толки этой религии.

Однако, к сожалению, наряду с отмеченными положительными сторонами пособие имеет также и ряд недостатков.

¹ См., например: История средних веков / Под ред. Н. Ф. Колесниченко, М., 1980: Собственно истории Византийской империи отведено 20 стр. (с. 56—76), арабскому халифату — 16 (с. 125—141). В университетском учебнике: История средних веков / Под общ. ред. С. Д. Сказкина, М., 1977. Т. 1, 2 — истории Византии отведено 24 стр. (т. 1, с. 118—135, 432—439). Что касается халифата, то в этом учебнике не существует специального раздела, посвященного его истории.